

Персона

Юлий КИМ:

В эталонах нуждаются слабые

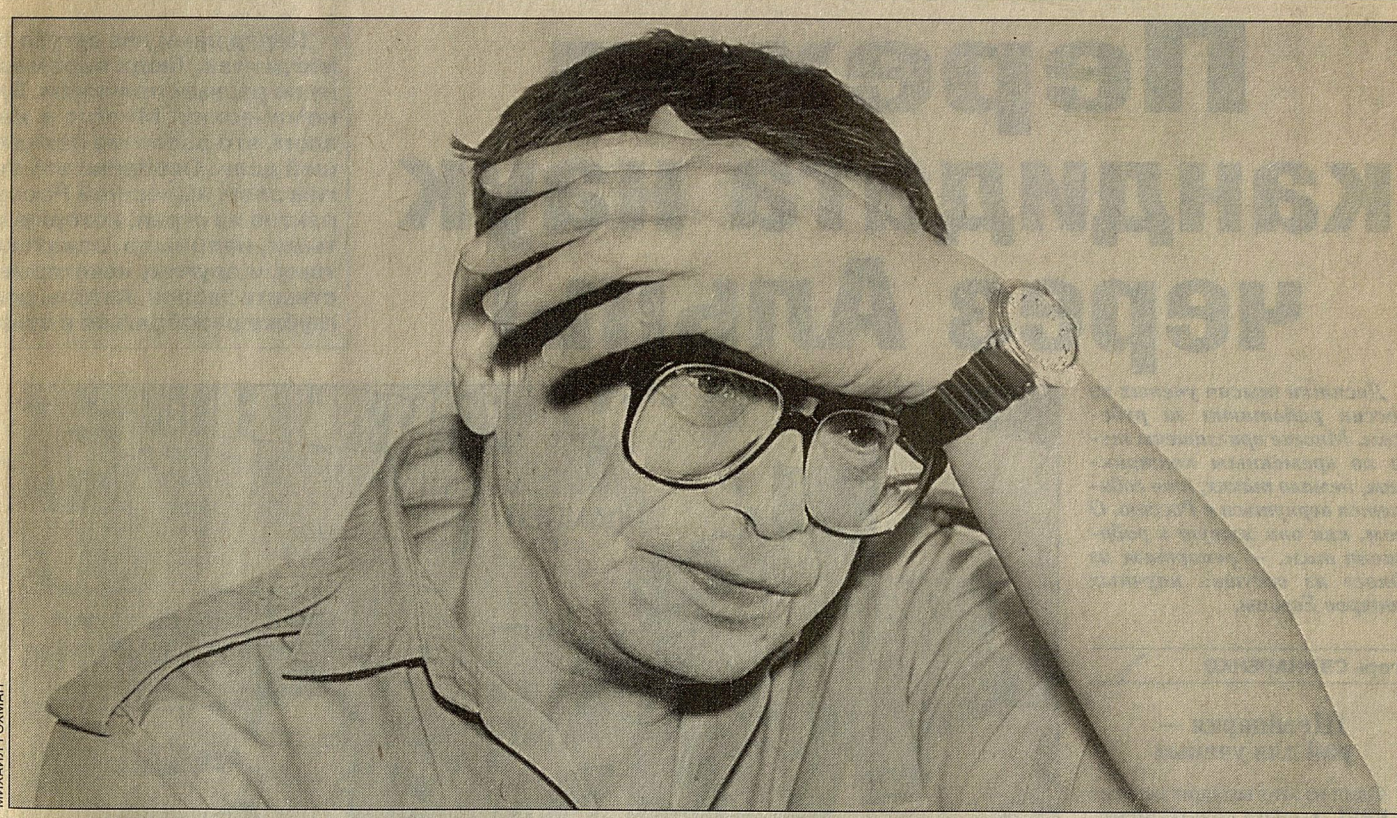
У него необычное отчество — Черсанович. Юлий Черсанович Ким. Он написал множество песен, стихов, сценариев, либретто. Когда ему было около тридцати лет, он влюбился в шестнадцатилетнюю девочку, внучку легендарного командарма, расстрелянного Сталиным и дочку самого известного в те времена диссидента. Девочка эта, Ира Якир, стала его женой. Нельзя сказать, чтобы связь с «врагами народа» помогла молодому барду в карьере. Власть так с подозрением относилась к людям, поющим свои песни под гитару, а

тут еще и тесть с четырнадцать лет по тюрьмам и лагерям и жена активный сотрудник «Хроники текущих событий», за одно только прочтение которой могли срок намотать. Так что в брежневские годы почти все свои работы в кино и на сцене Ким подписывал чужой фамилией.

Наконец пришло время, когда печатать стало возможно все. Даже то, о чем не могли мечтать еще несколько лет назад. Друзья становились известными политиками, он сам ездил с концертами и по России и по миру, появилась возможность пи-

сать то, что хотел, под своей фамилией. И вдруг — страшная болезнь... Ирину могло спасти только чудо. Супруги переехали в Израиль, к тамошним врачам, но и это не помогло. Юлий остался один. И снова удар. На этот раз болезнь свалила его. В чужой стране, без денег, в квартире, оплачивать которую у него не хватало средств. Во многом благодаря помощи многочисленных друзей он выстоял, вылечился. Недавно вновь женился, но рассказывать о жизни семейной не хочет. Все это слишком личное.

МИХАИЛ ГОХМАН

Мысли потаенные...

«Четырнадцать лет папан попал в тюрьму»
— Как вы оказались в диссидентской среде?

— Конечно, через Петра Якира. Я познакомился с ним в 1963 году. Уже вернувшись из лагерей, было напечатано довольно много разоблачительных материалов. Во всем менялась точка зрения и на Сталина, а там и на социализм, а там и на Ленина. Когда Хрущев сняли в октябре 1964 года, сразу возник вопрос: куда пойдет страна дальше. Были недолгие надежды, но уже пошли первые заморозки, потянуло холодом. И, наконец, мороз — это арест Синявского и Даниэля в 1965 году, а затем суд над ними в 1966-м. Затем арест Пиззурга и Галаскова. Все это очень сильно расшевелило нашу общественную активность, и вот тут-то появились первые диссиденты, которые шли на демонстрации, понимая, что их задержат и скорее всего посядут. Некоторые оказывались диссидентами поневоле, когда подписывали какие-то крамольные воззвания, не ожидая, что их начнут выгонять с работы, а то и просто судить и сажать. Но многие потом упорствовали в своих поступках и шли на конфронтацию с властью уже сознательно.

— И много было таких, продолжавших упорствовать, по сравнению с теми, кто возвращался к мирной советской жизни с возвращением на кухню?

— Я бы не делал этого различия. Если людей, которые по-диссидентски относились к власти, называть шпайкебасами, то я самый отъявленный шпайкебас. В 1969 году я Якиру и Красину открыто сказал, что больше никаких заявлений подписывать не буду. Мне нужно было выбрать между работой в театре и открытым диссидентством. Я все-таки выбрал работу в театре. Сказал, что тем могу — помочь и действительно, я такую помощь оказывал, правда, не очень широко и не часто. Правда, что человек вообще решил на поступок. Хотя бы однажды в своей жизни. Недавно на пляже в Тель-Авиве встретился я с актером Александром Калитиним. Когда-то давно, в самый разгар опасного времени, когда за домом Якиры и за моим домом была откровенная слежка, мы с ним были по соседству) мешочек крамольного «тамиздата». Потом, когда опасность миновала, я у него взял этот мешочек и истребил его содержимое. И вот когда на тель-авивском пляже я встретил Калитина и напомнил ему этот эпизод, он, со-

вершенно неожиданно для меня, стал благодарить за то, что тогда я его вовлек в это дело, потому что он с тех пор стал этим интересоваться, и на многое у него открылись глаза.

— Что за человек был Якир?

— Петр Якир был человек непростой. 17 лет ГУЛАГа наложили на него свой отпечаток. Это был человек, абсолютно задвинутый на лютую ненависть к Сталину. Он с четырнадцати лет его возненавидел и пронес это чувство до конца, и поэтому не оказывал диссидентом он просто не мог. Что касается дальнейшего его поведения, то я не склонен винить сложившихся людей, если они впоследствии раскаиваются. Есть люди, которых сломали, но они потом настаивают, что они поступили вполне сознательно. Что касается Петра и Красина, они понимали, что они делают, но были деморализованы. Тут сыграла роль и угроза 64-й статьи, — «измена Родине», которая предусматривала «вышку». А им несмысленно этой статьёй угрожать. Кроме того, произошел какой-то внутренний моральный износ. Петр должен был выдержать огромные нагрузки и был совершенно ослаблен душевно к моменту ареста.

— Сколько вам было лет, когда вы познакомились с Ириной?

— В 1963 году Петру было соответственно сорок лет, мне — 27. Она с 1948 года, ей — 15 лет. Поженились мы в 1966 году. Я уже был незнаком, был вхож в дом к Петру, но прошло больше года, прежде чем возник роман, который так благополучно завершился в год моего 30-летия. Ей тогда было 18, она как раз закончила школу и поступила в историко-архивный институт.

— Как к этому Петру отнесся?

— Очень хорошо. У нас с ним были дружеские отношения.

— И все-таки, когда вы начали писать, как это получилось?

— Сначала я начал писать стихи. С малых лет. Учился в школе, а даже сочинения писал в стихах иной раз. Ну, естественно, домашние сочинения. В институт я пришел в 1954 году, имея за душой лепестки три стихов разного достоинства. Первые институтские песни я сочинял, просто глядя на Визбора, Ахунову и всех остальных, азартно распевая свои самодельные, как тогда говорили, самодельные песни. Визбор был, безусловно, живой кумир, все младшие курсы, и мой в том числе, его просто боготворили. Когда я пришел в 1954 году в Московский педагогический институт, Визбор решил на последний курс. Известно, что песни тех времен рождались чаще всего в походах, куда я

ходил не часто. Не у костра, а дома, в общежитии или бродя по улицам Москвы я сочинял свои песни. В основном это была шутилка, лирика. Да и вообще, их было немного, может быть, десятков за все пять лет. Хотя среди них оказались две, которые даже по сей день сравнительно популярны, — это песни «Рыба-кит» и «Лубы окейные». А потом, когда я уже оказался после института по распределению на Камчатке, в очень далеком даже для Камчатчан поселке при рыбокомбинате, вот там я уже песни сочинял всерьез и помногу.

Ах какое времечко, не времечко — мечта!
— Скажите, какие отличия были у первой оттепели?

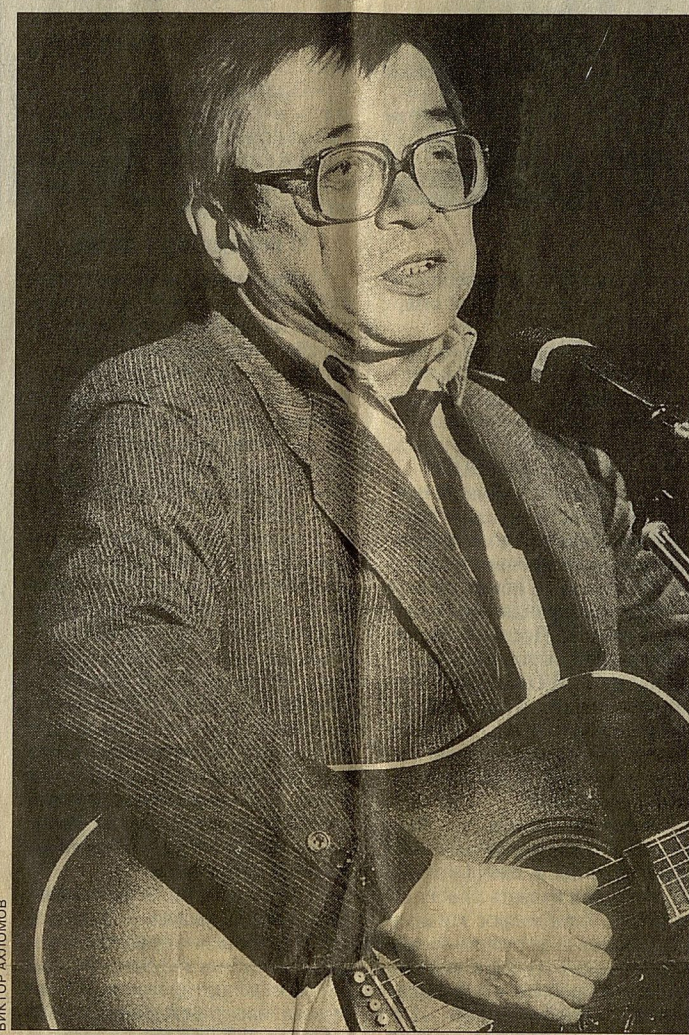
— Я видел первую оттепель. А вторая — это все-таки уже настоящая весна, которая пришла необратимо. Хрущевские времена, которые назвали оттепелью с легкой руки Еренбурга, совпали с нашей юностью. Все так совпало — и молодость, и надежды на лучшее будущее, что разом все ожило. Смотрите, свободы дали чуть-чуть по сравнению с тем, что пришло с Горбачевым, а как мощно расцвели все области нашего искусства и литературы — и новая поэзия, и новое кино, и новый театр — все тогда появилось. И новости в исторической науке, то есть в области самой что ни на есть партийной. Я лично держал в руках двухтомник о нашей коллективизации, где было 90 процентов чистой правды. Правда, этот двухтомник так и остался на уровне ротапринта, но, тем не менее, он был написан, его всерьез обсуждали. Мы отдавали себе отчет, что это первое тайное, но думали, что это уже необратимый процесс. Вот в этих надеждах мы жили, и это, конечно, звучало во всех наших сочинениях и песнях. Песенничество вступило в роскошную, несняханную, совершенно новую фазу, распространявшись по всему нашему обществу вместе с магнитофонными записями.

— Огромное количество ваших друзей считают, что, наоборот, ударили заморозки.

— Весна, это уж точно. Со всеми ее недостатками. Видите ли, когда приходит весна, то оттаивают не только колосистые поля, но и огромное количество помоек. И поэтому то, что зимой запрошено снегом и прихвачено морозом, начинает вдруг благоухать весной, и это не только цветы. Процесс становления государства и общества мучителен и не скор. В этом процессе бывают приливы, отливы. Так что это вполне естественный процесс, но это не качание маятника, это движение по спирали, когда все-таки идет движение вперед. И если происходит движение к укреплению государственной вертикали, то это все-таки не движение и не та вертикаль, что при Советах. Я очень хочу посмотреть, что будет дальше.

— И история не нашла для этой цели никого, кроме подполковника КГБ?

— К этому вопросу, который я слышу не в первый раз, я давно уже отношусь не то что с протестом, а с каким-то недоумением. Принадлежность к КГБ не определяет полностью и однозначно человеческий тип. Как, не побоюсь даже этого слова, принадлежность

ВИКТОР ПЕРЕЛДИН

просто фон другой. Сейчас так много позволено и разрешено, что нет того восторга и удивления, которые испытывала тогдашняя публика перед новыми именами.

— Задача Путина, как мне кажется, довольно четко сформулирована: это строительство нового государства, борьба с коррупцией, реформа армии и так далее. Один мой знакомый нарисовал мне такую схему: раньше у нас была развита культура тюрьмы, это наш старт. Наша цель — культура свободы. Между ними переходный период, который называется «свобода бескультурья». Мы сейчас находимся как раз в разгаре этой «свободы», поэтому и формулируется задача окультуривать нашу жизнь повсюду. В области строительства дорог, жилья, в области государственного строительства, войны с коррупцией...

— И история не нашла для этой цели никого, кроме подполковника КГБ?

— К этому вопросу, который я слышу не в первый раз, я давно уже отношусь не то что с протестом, а с каким-то недоумением. Принадлежность к КГБ не определяет полностью и однозначно человеческий тип. Как, не побоюсь даже этого слова, принадлежность

— Да, Лубянка — это не Петровка

— Кстати, у вас же довольно большой опыт общения с КГБ.

— Скажите, что большой, нельзя. Меня вызывали многократно на всякие собеседования. Рассказывают, что около времени репрессий у них вопрос о моем аресте. Во всяком случае, в 70-м материалы обо мне были выделены в отдельное производство. Но ничем это не кончилось. Дело в том, что если прилагать те статьи, которые прилагались к диссидентам, ко всему нашему обществу, то половина интеллигентных оказалась бы в лагерь. Сажали за чтение «Архипелага».

— А за песни?

— Во всяком случае, мой пленки, как и записи Галича, при обысках отбирались.

— Оригинальный повод изъятия пленок — то, что песни не были «заглотиваны», не прошли цензуру?

— Я думаю, что их изымали без всяких оснований. Просто «антисоветское содержание» — этого было достаточно.

— Самое смешное, что те же люди, что изымали ваши записи, потом слушали их втихую?

— Абсолютно верно. Мой старинный приятель, физик, по какому-то научному делу оказался в одном уральском городе в кабинете местного секретаря обкома комсомола. Тот, занавесив окна шторами, приложив палец к губам, поставил пленку не то Галича, не то мою. Естественно, отключив телефоны, закрыв двери.

— А тогда можно было повесить, что когда-нибудь придет весна?

— Нет, это было совершенно неосознанно. Я очень хорошо помню, что Булат Окуджава, когда его спросили о его самозащиты в начале 80-х, ответил так: я чувствую, что я умираю. Настолько все было безвоздушно, тем более что Андропов начал тихой сапой, мерзавец, огромную посадку диссидентов, причем сажал людей почти как при Сталине, по первому по-

Блицопрос

- Автомобиль водите?
- Нет.
- Курите?
- Бросил.
- Давно?
- 14 лет назад.
- Выпиваете?
- Времени от времени по капельке.
- Что любите?
- Водочку, иногда джин с тонином, виски или коньячок.
- Вина пьете?
- Крепкие или крепленые, потому что так уж как-то сложилось биографически. Но вот что касается сухих вин, то, к величайшему сожалению, могу сказать, что так и не воспитал в себе этого аристократического вкуса.
- Какую страну больше всего любите?
- Россию, конечно.
- А за границей?
- Израиль, конечно.

к СС. Я могу себе представить культурного эзэсовца, которому претило все то, что было связано с СС, — расовый геноцид, Холокост. То же самое могу сказать и о коммунистах. Были коммунисты хорошие, были плохие. Ну и что же что казэбэшник? И в КГБ тоже бывали совершенно разные люди. Считаю, что из них вышел реформатор Андропов. Какой бы он мерзавец ни был, но на фоне этого застойного аппарата, возможно, он и правда был потенциальным реформатором. Так что ярлык «эфебэшник», «казэбэшник», «коммунист» мне о человеке мало что говорит.

— Да, Лубянка — это не Петровка

— Кстати, у вас же довольно большой опыт общения с КГБ.

— Скажите, что большой, нельзя. Меня вызывали многократно на всякие собеседования. Рассказывают, что около времени репрессий у них вопрос о моем аресте. Во всяком случае, в 70-м материалы обо мне были выделены в отдельное производство. Но ничем это не кончилось. Дело в том, что если прилагать те статьи, которые прилагались к диссидентам, ко всему нашему обществу, то половина интеллигентных оказалась бы в лагерь. Сажали за чтение «Архипелага».

— А за песни?

— Во всяком случае, мой пленки, как и записи Галича, при обысках отбирались.

— Оригинальный повод изъятия пленок — то, что песни не были «заглотиваны», не прошли цензуру?

— Я думаю, что их изымали без всяких оснований. Просто «антисоветское содержание» — этого было достаточно.

— Самое смешное, что те же люди, что изымали ваши записи, потом слушали их втихую?

— Абсолютно верно. Мой старинный приятель, физик, по какому-то научному делу оказался в одном уральском городе в кабинете местного секретаря обкома комсомола. Тот, занавесив окна шторами, приложив палец к губам, поставил пленку не то Галича, не то мою. Естественно, отключив телефоны, закрыв двери.

— А тогда можно было повесить, что когда-нибудь придет весна?

— Нет, это было совершенно неосознанно. Я очень хорошо помню, что Булат Окуджава, когда его спросили о его самозащиты в начале 80-х, ответил так: я чувствую, что я умираю. Настолько все было безвоздушно, тем более что Андропов начал тихой сапой, мерзавец, огромную посадку диссидентов, причем сажал людей почти как при Сталине, по первому по-

дозрению. Эту историю андроповских посадок кто-нибудь воскресит и покажет, какой это был «либеральный» господин. Может быть, заткнут глотки многим любителям этого папача. Приход Горбачева был встречен с тем же энтузиазмом, как и Черненко. Молодой, значит не скоро еще коньки откинет, значит, придется еще лет двадцать терпеть. Я ничего хорошего не ожидал.

«Пуская ветра буянят. Шторма пуская штормят. Меня дороги маянят. Пути меня маянят»

— Так почему-то получилось, что большое количество самых известных, любимых, популярных наших артистов, писателей живут сейчас между двумя государствами.

— Многие эмигрировали не по своей воле. Но, наверное, можно привести примеры, когда власть никого за границу не гнала, но тем не менее люди оказались там. Что касается меня, то у меня особенная статья, я уехал в Израиль по обстоятельствам совсем другого характера. Это было связано с болезнью жены, а затем и с моей собственной. А что касается теперешней жизни моей, то все, что связано с моей работой, происходит в России. У меня было несколько заказов, которые я исполнял, живя в Иерусалиме.

— Что сейчас делаете?

— Сейчас я работаю над либретто, для кино меня просят написать песню. Из Питера тоже пришел заказ на песню, впереди еще предложение написать песню. И так далее.

— А конкретнее не расскажете?

— Нет. Впрочем, могу рассказать, что сейчас я пишу либретто для мюзикла по пьесе «Доходное место» Островского. Композитор Геннадий Гладков.

— Неужели в Израиле, где «на четверть бывший наш народ», невозможно найти работу русскоязычному писателю?

— Нет, литературным трудом там заработать на жизнь невозможно. То есть я там зарабатывал, и литературным трудом в том числе. У меня целая серия очерков была напечатана в русскоязычной газете «Русский израильтянин», я печатался в журнале, который называется «Иерусалимский журнал». Но на эти гонорары, конечно, не проживешь.

— Вы не пользуетесь компьютером?

— Нет. Вначале пишу только от руки, дальше машинка. Люблю печатать. Такой звук, будто дрова колыш. Все советую переходить на компьютер. Не знаю, может быть, когда-нибудь я до этого доберусь.

— Как русскому писателю работать в совершенно неподходящем для этого климатическом поясе?

— Я жил и работал в разных климатических поясах. Три года я прожил в Средней Азии, в Туркменистане, когда заканчивал старшие классы школы. Три года я прожил на самом Дальнем Востоке, на Камчатке. Многократно бывал в Норильске, сотрудничал с Норильским драмтеатром, это вообще Заполярье. Тем более что моя тамашная среда — это русскоязычные израильтяне, которые сохранили все свои вкусы и привычки, которые были воспитаны в России. Когда мы собираемся за стол в Иерусалиме, он мало чем отличается от стола в Москве. Вот только с едой небольшие разночтения. Там, например, может появиться кушанье под названием «гуаяя». Здесь я его не видел на столах.

— И сала, наверное, нет.

— Пожалуйста, идите в магазин «Вильнюс» и берите сала, сколько угодно.

— То есть по пище ностальгии нет?

— Ни малейшей. Наоборот, там я впервые получил свободный и неограниченный доступ к семье. Она в Израиле очень дешевая. И даже сам научился ее солить, потому что она там продается в сыром виде.

— Скажите, как ваше самочувствие?

— У меня самочувствие хорошее. Меня там отлично прооперировали, затем через полгода проверили, пока никаких рецидивов не заметили.

— Вы много ездите по миру?

— Увы, нет. Я сидел в Израиле, пока не кончился курс химиотерапии, и никуда не двигался, кроме как по самому Израилу. Только в апреле я съездил в Америку и Канаду. Это давно обещанная поездка с песнями, с выступлениями, которую я должен был осуществить три или четыре года назад. После этого я побывал в Москве, потом вернулся в Израиль, потом опять вернулся в Москву.

«Иные времена настали наконец-то. Чины и имена поставлены на место»

— Сейчас в политике в первых рядах — творческая интеллигенция. Свои, если можно так сказать, группы поддержки существовали и существуют у всех партий, организаций каких-то...

— Я знаю, что есть «Яблоко». Владимир Петрович Лукин стоит во главе этого политического объединения. А поскольку мы с ним дружны еще с институтских времен, то я просто в силу этого голо-сую за «Яблоко» каждый раз, особенно не вникая в их программу. Правда, в тайдаровском «Демьяне» состоит мой друг композитор Владимир Дашкевич, с которым мы успешно сотрудничаем вот уже 30 лет, но с Лукиным я долгие знаком.

— Многие не просто голосуют за политические объединения, но и участвуют в политике. Вот Василий Аксенов недавно публично поддержал Березовского.

— Это его личное дело. Я, правда, впервые услышал комплименты по адресу Бориса Абрамовича из уст почтенного человека. Не спешу присоединяться ни к комплиментам, ни к порицаниям: я мало о Березовском знаю. Но он безусловно крайне интересная фигура.

— Поговорим о Чечне...

— Отношение общества к первой и ко второй чеченской войне существенно различается. В начале 96-го года вместе с Дашкевичем, Юрием Ризенцевым, Веней Снежком и собрал сто подписей среди наших известных деятелей искусства и литературы. Надо сказать, что это делал с большим диссидентским энтузиазмом. После хавсавторских соплячаний Чечня получила максимальную независимость. Но судя по информации оттуда, заложничество, торговля людьми не воспринимались в Чечне как нечто особенное, противное естественному. Внутреннего народного сопротивления чеченского населения этому промыслу не было. Потом Дагестан, затем последовали эти чудовищные взрывы. Эту сторону вопроса я затрагивать не хочу, просто жду, как и многие, чем кончится расследование — хотя кончиться ли оно когда-нибудь?

— То есть вы оправдываете антитеррористическую операцию?

— Пожалуй, мое отношение к данной акции такое же, как к расстрелу парламента. Это варварское достижение исторически неизбежного результата. Варварство давит еще большее варварство.

— Кто из известных людей вы могли бы считать эталоном для себя?

— Такого человека нет. В свое время так говорили о Сахарове, так говорили об Александре Исаевиче. Я не согласен. Мне Сахаров как раз нравится тем, что он не икона, тем что он подповеревал себе на газовой плите селудку и винегрет. Собственно говоря, я и не нуждаюсь в эталоне. Я обождал Давида Самойлова, мы с ним были хорошо знакомы, но сказать, чтобы он был для меня эталоном, — упаси Боже. Я думаю, в эталоне есть необходимость для человека слабого, еще не определившегося в жизни.

Михаил ГОХМАН

ИЗВЕСТИЯ — «Прямая линия»

Нужен ли России закон о домашних животных? Как разрешать конфликтные ситуации между владельцами животных и другими гражданами? Нужно ли государственное регулирование в вопросе содержания собак агрессивных пород? Зачем нужны собаки? Ответы на эти и многие другие вопросы вы сможете получить, позвонив по телефонам:

(095) 209-76-82 и 209-37-22

Также вы можете присылать ваши вопросы в любое время по электронной почте: hotline@izvestia.ru.

Во вторник, 3 октября 2000 г.

На ваши вопросы отвечают:

ГРЕЧ
Ирина Георгиевна,
президент
Национальной Российской
кинологической ассоциации
(095) 209-76-82

СУЗДАЛЬЦЕВА
Анна Андреевна,
специальный корреспондент
газеты «Известия»
(095) 209-37-22

Звоните с 11.00 до 13.00
Ждем ваших звонков!

Пресс-пресс

«Когда слушаешь его песни прежних лет, возникает дурацкий вопрос: его-то почему не забили?»

...Ким, как человек цельный, в любом контексте, кажется, сумеет быть органичным и естественным. Политических песен, как сам говорит, ныне не пишет: «Что-то не хочется». Зато пишет другие. Они так же пронзительно вселили или, наоборот, пронзительно грустны. Но и в том, и в другом случае возбуждают желание жить»

Газета «Очевидец» (Красноярск)

«Русской культуре везло — ее умудрили сохранить Юлий Ким, Анатолий Ким и Виктор Цой».

Газета «Комсомольская правда». 23.09.1990 г.

«Ким — это не только все перечисленные шлягеры отечественного театра и кино, и не только дюжина пьес, идущих по всей стране, и десятки кассет и дисков с классикой самодельной песни. Это еще и «Хроника текущих событий», и двадцать лет хождения под дамокловым мечом ареста или ссылки... После трехлетнего отсутствия, после изнурительного лечения он вернулся в Россию — спеть несколько концертов и получить Государственную премию. Он первый поэт, награжденный Путиным за время и.о.-президентства этого последнего. Хотелось бы видеть в этом если не символ, то хоть надежду».

Журнал «Огонек». 2000. Апрель. № 14(4641)

ВИКТОР ПЕРЕЛДИН

Идентификация: 1 — Владимир Лукин, 2 — Феликс Зингел, 3 — Юлий Ким, 4 — Давид Самойлов